

И.И. Травин, Е.М. Порецкина,
zhe1607@yandex.ru

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ В 1993–2001 гг.

Аннотация: В статье представлено краткое описание двух международных проектов, проведенных Сектором исследования социальной структуры совместно с финскими исследователями в 1993–2001 гг. Оба проекта были направлены на изучение влияния механизмов перехода от социалистического уклада к рыночной экономике на повседневную жизнь городского населения на различных этапах становления рынка. Описаны цели и задачи проектов, методика сбора материала, краткие характеристики полученных эмпирических данных и представлены основные выводы. На основе анализа результатов сделан вывод о том, что рыночная экономика приобретает важное значение в экономическом поведении городских семей в России.

Ключевые слова: стратегия выживания, повседневность, новые риски и новые потребности, качественные методы, полуструктурированные интервью, экономическое поведение городских семей, адаптация, рыночные отношения.

В течение 1993–2001 гг. коллектив Сектора исследований социальной структуры (ранее — Сектор изучения городского образа жизни) совместно с группой финских социологов принимал участие в реализации двух исследовательских проектов: «Структурные изменения и стратегии выживания: адаптация к рыночным отношениям в России» (1993–1996 гг.) и «Новые риски и зарождающийся средний класс в переходной России: класс, гендер и благосостояние в Санкт-Петербурге» (1998–2000 гг.).

С финской стороны в проекте участвовали доктор Тимо Пиирайнен, профессор Юсси Симпура, доктор Симо Маннила, исследователи Теела Паккасвирта и Татьяна Носова. Руководителем проекта с россий-

ской стороны был к.ф.н. И.И. Травин, секретарем — научный сотрудник Е.М. Порецкина.

Оба проекта опирались на единую эмпирическую базу, на согласованные теоретические позиции и, во многом, на сходство взглядов членов исследовательского коллектива, хотя различия национального, социального, личностного и научного опыта, безусловно, нашли отражение в конкретных текстах. Поскольку все представители финской исследовательской группы отлично владели русским языком, рабочим языком исследования был выбран русский, что значительно облегчило все задачи научного общения и подготовки совместных публикаций.

Основной целью проекта «Структурные изменения и стратегии выживания: адаптация к рыночным отношениям в России» было изучение влияния механизмов перехода от социалистического уклада к рыночной экономике на повседневную жизнь городского населения. Была поставлена задача отразить происходящие в обществе изменения изнутри: каким образом воспринимают их обычные люди и как эти изменения непосредственно воздействуют на повседневную жизнь конкретной семьи. Выбранные случайным образом отдельные Санкт-Петербургские семьи рассматривались как сознательно действующие субъекты, вырабатывающие различным образом важные для них стратегии. В исследовании эти стратегии назывались «стратегиями выживания» или «стратегиями совладания с ситуацией» (*coping strategies*). Обладая определенным набором ресурсов, семьи делают рациональный выбор с целью получения максимально возможной выгоды в условиях институциональных и структурных изменений в обществе.

Основной целью второго проекта — «Новые риски и зарождающийся средний класс в переходной России: класс, гендер и благосостояние в Санкт-Петербурге» было продолжение изучения экономической активности домохозяйств на этапе становления рынка, то есть анализ предпочтений, выборов и моделей поведения обычных семей в переходной экономике. Кроме того, было изучено восприятие населением многообразия рисков, существующих в современном обществе (экологических, криминальных, медицинских и многих др.).

Методом сбора материалов с самого начала был выбран метод полуструктурированных глубинных интервью с семьями горожан, достаточно новый для российских исследований того времени. Эмпирическим материалом явились тексты интервью, в которых анализировалось содержание и структура высказываний петербуржцев. Все интервью проходили у респондентов дома, что давало возможность интервьюерам

не только оценивать поведение респондентов в ходе беседы (отношение к интервью, полнота и искренность ответов, психологический климат в семье), но также визуально оценивать уровень благосостояния семьи и жилищные условия. Вся эта информация регистрировалась в специальном кратком отчете, прилагаемом к каждому интервью.

Обычно в интервью участвовали все взрослые члены семьи. Длительность интервью составляла от 45 минут до полутора часов. Часто после интервью завязывался оживленный разговор, также длившийся достаточно долго. Как правило, респонденты были благодарны интервьюерам за возможность выговориться, рассказать о своих проблемах, иногда по-новому взглянуть на свою жизнь, попытаться как-то ее оценить. Все интервью были записаны на аудиокассеты и полностью расшифрованы. В результате был получен уникальный массив интервью, составляющий почти 5000 страниц.

Все интервьюеры имели на руках детализированный список тем (сценарий интервью), следуя которому они и задавали свои вопросы. Точная формулировка вопросов не была предусмотрена сценарием и предоставлялась каждому интервьюеру, однако порядок тематических блоков, в основном, соблюдался. В целом, качество и наполненность интервью во многом зависели как от индивидуальных качеств интервьюера, так и от вербальных способностей респондента и его личных особенностей. Некоторые интервью выглядели почти как поток сознания, а в некоторых почти невозможно было избежать сухих односложных ответов.

Логика построения интервью представляла собой принцип развита по восходящей — от более простых вопросов о жилье, работе, доходах — к более сложным, затрагивающим социальные проблемы и экономические и политические изменения. Список основных тем для интервью включал для себя следующие:

1. Состав семьи (взрослые члены семьи, дети, старшее поколение).
2. Жилищные условия (характеристика жилья, степень удовлетворенности жилищными условиями, перспективы).
3. Работа (занятия всех членов семьи, профессия, образование и его связь с нынешней профессией, сектор занятости, место работы, режим работы, угроза безработицы, смена мест работы за последние 5–6 лет, способы поиска работы, представления о благополучной карьере).
4. Доход семьи (источники, дополнительные доходы, удовлетворенность доходом, желаемый доход).
5. Потребление (питание семьи, стратегии и приоритеты приобретения продуктов и товаров, крупные покупки, наличие запасов, обмен

товарами и продуктами, информация о товарах, реклама, новые статьи расходов).

6. Стиль жизни семьи (досуг, общение с друзьями, дачи и ее функции, проведение отпусков, значение религии в жизни семьи).

7. Дети (возраст, занятия, кружки, оплата образования, возможность эмиграции, проблемы армии для мальчиков, будущее детей в целом).

8. Социальные проблемы города.

9. Здоровье и риски (состояние здоровья членов семьи, экология, занятия физкультурой и спортом, алкоголь и курение).

10. Роль и образ мужчины и женщины (адаптационные различия, равноправие, типичные черты современных мужчин и женщин).

11. Будущее семьи (в том числе влияние политики на жизнь семьи).

12. Пример успешного жизненного сценария.

Проект «Структурные изменения и стратегии выживания...» 1993–1996 гг. включал в себя три подпроекта. Описание и анализ разнообразных стратегий, выработанных семьями в результате реакции на происходящие социальные, экономические и политические изменения в повседневной жизни горожан был дополнен двумя подпроектами. Первый касался исследования восприятия горожанами основных социальных проблем, а второй был посвящен исследованию факторов социальной поддержки, получаемой семьями через их социальные сети.

Выборка респондентов для первого проекта проводилась исходя из определенных теоретических критериев. На первой стадии сбора материала было взято 20 интервью у членов наиболее «репрезентативных» семей, а именно у полных семей, имеющих одного или двух детей, в которых оба из родителей работали и имели достаточно высокую квалификацию. После этого последовали различные вариации выбора семей для интервью по возрасту, образованию, сфере занятости, семейному составу и жилищной ситуации с использованием метода «снежного кома».

Всего в ходе первого проекта было собрано 100 интервью с петербургскими семьями (домохозяйствами), и, кроме основного массива, было проведено 20 дополнительных интервью, взятых в течение 1996 года, которые были сосредоточены, главным образом, на проблемах социальной поддержки, получаемой семьями через свои социальные сети, а также на проблемах «блата», знакомств и т. д. При проведении дополнительных интервью большая часть сценария была сохранена, что позволило в дальнейшем проводить сравнительный анализ текстов.

В ходе второго проекта «Новые риски и зарождающийся средний класс в переходной России...» 1998–2000 гг. также было собрано 100 интервью и, кроме того, было взято 20 дополнительных — «целевых». Дело в том, что время проведения проекта совпало с августовским кризисом 1998 г., и поэтому было принято оперативное решение провести в некоторых семьях краткие повторные интервью «по горячим следам», фокусированные на последствиях кризиса для семьи. Был приготовлен короткий сценарий интервью, включающий в себя такие темы, как изменение ситуации на работе и занятости; изменения в доходах и расходах семьи; деятельность, к которой прибегали в виде реакции на кризис; отношение к эмиграции, как одно из возможных решений, и в конце — общий настрой и ожидания на будущее.

Выбор семей для второго проекта был во многом задан индивидуальными интересами членов исследовательской группы. Так, первоначально предполагалось, что будет взято 30 интервью со специфическими группами населения: 15 интервью с одинокими женщинами и 15 — с одинокими мужчинами, кроме этого 70 интервью в различных семьях, в том числе 30 интервью с семьями, уже участвовавшими в предыдущем проекте (а предпочтительнее — в тех, где уже было взято по два интервью).

Однако уже в начале процесса сбора информации оказалось, что поставленная задача по формированию выборки весьма сложна и зачастую невыполнима. Если интервью с одинокими женщинами частично входили в число повторных, и еще несколько могли быть получены с помощью метода «снежного кома», то, как выяснилось, находить респондентов — одиноких мужчин оказалось значительно труднее. Поэтому было решено отказаться от прямого метода «снежного кома» и перейти к методу теоретического насыщения, используя квотный метод построения выборки. Кандидатуры возможных респондентов подбирались с помощью социальных сетей самих исследователей и систематически обсуждались на рабочих встречах.

Кроме того, в ходе второго проекта несколько расширились поставленные задачи: было решено включить в выборку семьи представителей формирующегося среднего слоя, респондентов, имеющих новые профессии, а также более состоятельные семьи. Вполне понятно, что, двигаясь методом «снежного кома» от респондентов первого опроса, исследователи, скорее всего, не смогли бы выйти за пределы определенного социального круга. Интерес к представителям формирующегося среднего класса был основан на том, что их модели поведения бо-

лее разнообразны, это наиболее динамичная и активная группа, судьба которой во многом определяет положение других групп населения.

Можно привести некоторые цифры, касающиеся полученных массивов. В первом проекте было собрано 100 интервью, в которых приняло участие 182 респондента. Был представлен весь спектр типов семей, а именно: многопоколенные, нуклеарные, семьи матерей-одиночек, бездетные и просто одинокие. Образовательный уровень респондентов оказался достаточно высоким — 111 человек с высшим образованием, 37 со средним специальным и 34 со средним образованием. Профессиональный состав респондентов был весьма разнообразным: он включал как традиционные профессии, требующие высшего образования, так и традиционные рабочие профессии. Кроме этого, в интервью принимали участие мелкие предприниматели, работники творческих профессий, безработные, пенсионеры и домохозяйки. Основная масса респондентов была занята в государственной сфере.

Число детей в опрашиваемых семьях в среднем оказалось достаточно высоким, так как первоначально планировалось брать интервью только у семей с маленькими детьми, но в процессе полевой работы это решение было отменено, и семьи без детей или со взрослыми детьми также были включены в выборку.

Во втором проекте было собрано также 100 интервью, в которых приняли участие 167 человек. Уровень образования наших респондентов вновь оказался достаточно высоким: 109 человек имели высшее образование, 31 — среднее специальное и 27 — среднее образование.

Профессиональный спектр занятости респондентов второго проекта был также достаточно широк. Кроме представителей традиционных профессий (таких, как инженеры, учителя, шоферы, воспитатели в детском саду, продавцы), были взяты интервью у представителей профессий, появившихся на рынке труда в последнее время (таких, как риэлторы, менеджеры, торговые агенты и предприниматели разных уровней). Кроме горизонтального профессионального разнообразия в массиве присутствует и вертикальное статусное разнообразие рабочих мест (от низко квалифицированных профессий типа оператора котельной до владельцев универсама, модельного агентства или председателя муниципального объединения). В отличие от респондентов первого проекта, подавляющее большинство было занято уже не в государственной сфере — респонденты работали либо в акционерных предприятиях, либо в частной сфере. Представители государственных

предприятий были представлены, в основном, силовыми структурами или учебными заведениями.

Кроме того, в ходе второго проекта 34 семьи участвовали в исследовании повторно, интервью в них были взяты во второй раз (а в 17 семьях даже в третий раз). Небольшое увеличение доли повторных интервью по сравнению с запланированным количеством связано с заинтересовавшимися исследователей изменениями, происшедшими в этих семьях. В результате в некоторых семьях интервью в общей сложности покрывают почти семь лет жизни. Сравнительный анализ текстов интервью был облегчен также тем, что большая часть сценария оставалась неизменной с 1993 г. Подобная тактика интервьюирования усилила лонгитюдный характер проекта и позволила изучать процесс развития и укрепления экономических стратегий и поведения семей в повседневной жизни на различных стадиях перехода к рыночной экономике. Можно подчеркнуть, что выбранный подход придавал исследованию панельный характер и явился его уникальной особенностью.

Таким образом, в результате проведения двух проектов исследовательский коллектив получил уникальное исследование, позволяющее всесторонне описать определенный срез жизни петербургских семей в течение длительного периода времени. То обстоятельство, что информация собиралась в течение почти восьми лет, наложило свой отпечаток и на характер полученных данных — социальная реальность от года к году претерпевала резкие изменения. Результаты, полученные в ходе анализа материалов проектов, явились убедительным доказательством того, что содержательные дискурсы также обладают свидетельской силой и могут быть подняты до уровня обобщений¹.

В целом результаты двух проектов хотя и не могли адекватно представлять генеральную совокупность — все население Санкт-Петербурга, но благодаря примененным принципам выборки могли дать представление об определенной среде, и можно с уверенностью сказать, что полученные интервью достаточно адекватно представляли интересовавшую исследователей среду, а именно, зарождающийся средний класс крупного города. Соотнеся этот слой со структурой западного общества, можно сказать, что в данном случае была представлена и описана, в основном, нижняя страта среднего класса, которая состоит из людей средних доходов, чья разнообразная занятость

¹ *Симпура Ю.* Post Proectum. Перелом в России и новый общественный порядок. (Обсуждение после исследования). Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев. СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 258.

не включает ручной труд. В первом проекте был включен и верхний уровень «низшего класса», а во втором — были взяты интервью у нескольких представителей высшей страты среднего класса. В целом для описания выборки больше всего подходит термин «milieu». Исследователи, в силу применяемой методики сбора материалов, не могли выйти за пределы вышеуказанного слоя и взять интервью у представителей «новых русских» и элитных слоев общества, так же как и у деклассированных категорий населения — бездомных, нищих и т. д. Тем не менее, была получена определенная стратификация семей — по доходу, профессиональному статусу, жилищным условиям. Так, в первом исследовании большинство респондентов принадлежало к так называемым «новым бедным», или, точнее, людям, живущим в состоянии относительной бедности², то есть имевшим в недалеком прошлом стабильные доходы, устойчивую профессиональную позицию, денежные накопления и уверенность в будущем. Во втором исследовании фокус исследовательских интересов был смещен на возникший и активно растущий средний класс, представленный представителями новых профессий, появившихся на рынке труда.

В качестве теоретической базы анализа эмпирических материалов были выбраны такие теории, как «grounded theory», социологические постулаты Вебера, теория рационального выбора, социально-психологические теории изучения социальных сетей, конструкционистский подход к анализу социальных проблем, теория риска Бека и Лумана и многие другие социологические теории.

Наибольшую сложность, безусловно, представляла итоговая интерпретация результатов исследований. Нестатистические, качественные методы исследования таят в себе ту опасность, что интерпретатор-исследователь невольно, а порой и намеренно, вносит оттенок субъективности в процесс анализа. Задать заранее жесткие концептуальные рамки удается не всегда. С этим столкнулся и интернациональный коллектив — исследовательский опыт, теоретико-методологические ориентации, наконец, индивидуальные особенности различались весьма существенно. Тем не менее, серьезных разночтений удалось избежать, что явилось результатом длительных и постоянных обсуждений каждой стадии обоих проектов в ходе многочисленных семинаров и рабочих встреч участников проекта в Хельсинки и Санкт-Петербурге.

² Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях. Социологические исследования. 1994. № 8–9.

Каждый участник проекта имел свой собственный профессиональный интерес, результатом чего явилось написание более 50 статей на русском, финском и английском языках. Участники проекта выступили с докладами на 20 конгрессах, конференциях и семинарах, как в России, так и за рубежом. По результатам первого проекта руководитель финской части проекта Тимо Пиирайнен выпустил книгу «Transforming Structures and Everyday Life. Toward a new social order in Russia». (Adlershot: Darthmouth, 1997). Кроме того, по результатам обоих проектов были опубликованы две совместные коллективные монографии (Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев. СПб.: Европейский дом, 1999. 268 с.; Новые потребности и новые риски. Реальность 90-х годов. СПб.: Норма, 2001. 284 с.).

Приведем кратко общие результаты анализа материалов, которые в более полном виде представлены в статье Тимо Пиирайнена в монографии 2001 г.³

Итак, в первом исследовании 1993–1996 гг. была разносторонне изучена деятельность домохозяйств, которые пытались справиться с резкими изменениями стратификационных моделей; при этом возникающая новая социальная структура рассматривалась как коллективный результат деятельности и выбора индивидуальных домохозяйств.

Первый проект был сфокусирован в основном на стратегиях тех домохозяйств, которые в период быстрого изменения модели социальной стратификации пытались переориентировать ресурсы, требовавшиеся старой экономике, в различные сектора новой. Этот процесс можно назвать «конверсией ресурсов». Для домохозяйств стало важным «конвертировать» старые ресурсы в необходимые для нового общества для того, чтобы занять более выгодные позиции в новой социальной структуре. Таким образом домохозяйства испытывали либо восходящую, либо нисходящую социальную мобильность.

Во втором проекте основное внимание было направлено на процесс упрочения социальных позиций на этапе дальнейшего становления рынка. На уровне установок, ориентаций и психологии рыночное окружение в последнем исследовании воспринималось с намного меньшим чувством беспокойства и неопределенности, несмотря на шок августовского кризиса 1998 г. Доминирующей для семей была приверженность однажды выбранной рыночно-ориентированной стратегии.

³ Пиирайнен Т. Обучаясь жить в условиях рынка. Городские домохозяйства в России между официальной и неформальной экономикой. Новые потребности и новые риски. Реальность 90-х годов. СПб.: Норма, 2001. С. 217.

На основе анализа результатов двух исследовательских проектов был сделан вывод о том, что официальная рыночная экономика приобретает важное значение в экономическом поведении городских семей в России. Этому способствовал целый ряд факторов: во-первых, после десятилетия перехода к рыночной экономике российские семьи научились получать больше информации о рынке — как о рынке товаров и услуг, так и о рынке рабочей силы — по сравнению с тем, как это обстояло в начале 1990-х. Во-вторых, рынок стал более упорядоченным и прозрачным, что смогло обеспечить развитие стабильных, долгосрочных, рыночно-ориентированных стратегий домохозяйств. В-третьих, рыночно-ориентированный жизненный стиль стал общественно признанным. В четвертых, несмотря на весьма значительные трудности, рынок, тем не менее, все чаще оказывался единственно возможной основой для жизнеспособной долгосрочной экономической стратегии семьи. И, наконец, увеличившаяся определенность относительно политического будущего России в конце 1990-х и начале 2000-го также способствовала дальнейшей рыночной ориентации домохозяйств.

В заключении можно привести цитату из монографии участников проекта 2001 г., где анализировались реалии экономического кризиса 1998 г.: «Интерес представляют выводы о том, что, несмотря на то, что августовский кризис 1998 г. стал для многих действительным шоком, население было подготовлено к нему несколько лучше, чем это было раньше — во времена первых шагов шоковой терапии начала 90-х годов. Для большинства опрошенных семей этот период стал своего рода “школой выживания”, которую они закончили, выработав ряд новых необходимых навыков:

– Выработка достаточно спокойного отношения к возможности потери работы; использование новых стратегий и расширение социальных сетей для поиска новой работы или необходимой информации о ней, осознание необходимости овладения несколькими профессиональными навыками.

– Применение комбинированной стратегии выживания, основанной на одновременном использовании множества различных видов активности для поиска доходов; появление нового набора способов жизнеобеспечения — как легальных, так и нелегальных.

– Осознание возможности потери собственности; восприятие частной экономической катастрофа в качестве новой характерной черты современной жизни, осознание необходимости поиска новых видов индивидуальных финансовых стратегий.

– Рост самооценки в результате понимания собственной значимости для выживания и жизни семьи; демонстрация большей, чем раньше, готовности к длительному процессу восстановления адекватного уровня жизни; в этом смысле — рост уровня терпения населения»⁴.

Актуальность этих суждений сегодня не просто не вызывает сомнений. Они могут составить своеобразную антикризисную программу, стать некоторым рекомендуемым набором социальных практик в постоянно повторяющихся кризисных ситуациях современной России.

⁴ *Симпура Ю., Еремичева Г., Евдокимова Е., Манила С., Носова Т., Паккас-вирта Т., Порецкина Е.* Есть ли предел терпению? // Петербуржцы в период экономического кризиса в августе 1998 г. Новые потребности и новые риски. Реальность 90-х годов. СПб.: Норма, 2001. С. 13–40.